

Н. Г. КУЗНЕЦОВА (Томск), *Э. В. УСЕНКОВА* (Новосибирск)

КАТЕГОРИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В НГАНАСАНСКОМ ЯЗЫКЕ

Резюме. Категория эвиденциальности в нганасанском языке выражена в глагольной морфологии. Три наклонения — ренарратив, инференциал, акцептив — формируют нганасанскую эвиденциальную систему, неоднородную по своей семантике. В рамках рассматриваемых наклонений эвиденциальные значения переплетаются с различными модальными значениями. В статье описание наклонений базируется на функциональном и синтагматическом подходах.

Засвидетельствованность (эвиденциальность) связывается с детализацией степени полноты знания говорящего о передаваемой им ситуации, объясняет, каким образом говорящий узнал о сообщаемом факте (явлении объективной действительности) (Мельчук 1998 : 199; Плунгян 2001). Засвидетельствованность объединяет в себе значения эвидентности (очевидности, прямой засвидетельствованности) и неэвидентности (неочевидности, косвенной засвидетельствованности), противопоставляемые по признаку наблюдаемости. Семантика эвидентности представляет собой указание на то, что говорящий сообщает о ситуации, которую наблюдал лично, его знание квалифицируется как полное, адекватное, достоверное (при условии выполнения условия искренности). В сферу эвидентности входят значения визуальности и не-визуальности. Визуальность предполагает зрительное восприятие ситуации. Не-визуальность базируется на различных аудитивных (т.е. воспринимаемых со слуха) и сенсорных (т.е. воспринимаемых с помощью любых других, кроме зрения) свидетельствах.

Неэвидентность указывает на отсутствие непосредственного участия говорящего в событиях, на то, что передаваемые сведения получены из косвенного источника информации. Данная информация не является собственным знанием говорящего, она может быть как полной, так и неполной. В область значений категории неэвидентности входят значения пересказываемости (передача информации с чужих слов), инференции (логический вывод по наличным признакам) и адмиративности (констатация ситуации как неожиданно обнаруженной в момент речи). Общим семантическим признаком, объединяющим данные субкатегории в рамках категории неэвидентности, является

(по Н. А. Козинцевой) отстраненность (дистанцированность) говорящего от информации, которую он сообщает (Бондарко 2000 : 227). Различные типы значений эвидентности и неэвидентности могут быть представлены в иерархическом порядке (Наан 1998):

Эвидентность < Неэвидентность
Визуальность < Не-визуальность < Инферентность < Ренарративность

В соответствии с приведенной иерархией, если в языке имеются грамматические средства выражения значения, занимающего более высокое положение в иерархии, в нем имеются и грамматические средства выражения значений, расположенных ниже в данной иерархии. Каждый язык обладает своей собственной системой эвиденциальности, которая находится на определенной ступени развития. Наивысшей ступенью считается формирование морфологических средств для выражения значения визуальности. В этом случае система поддерживается эквиополентной оппозицией, в которой обе категории — эвидентности и неэвидентности — грамматически маркированы.

Нганасанский язык располагает весьма специфической системой распределения эвиденциальных значений. Категория неэвидентности базируется на пересказывательности (ренарративности) и инферентности, в то время как эвидентность представлена только не-визуальностью, вовлекающей в свою сферу как аудитивные, так и различные сенсорные — запах, вкус, разнообразные чувства — восприятия.

Зарегистрированные эвиденциальные значения находят свое выражение на морфологическом уровне, образуя регулярные парадигмы. Наличие формальной маркированности и самостоятельного значения позволяют выделять в нганасанском языке следующие наклонения: ренарратив, инференциал и акцептив, парадигмы которых строятся на противопоставлении трех лиц (1-го, 2-го, 3-го), трех чисел (единственного, двойственного, множественного), трех типов спряжения (субъектного, субъектно-объектного, безобъектного) и включают единые для всех наклонений личные показатели. В образовании рассматриваемых эвиденциальных наклонений принимают участие специальные суффиксы, которые занимают место между основной глагола и личными окончаниями. Для ренарратива это *-bayhu-* и *-bayha-*, для инференциала *-baɖi-/baɖa-*, для акцептива *-tɪnɛ-* или *-tɪni-* (*-müni-*): *basu-bayhu-ø* 'охотится, говорят', где *basu* — основа глагола, *bayhu* — формант ренарратива, *ø* — личное окончание глагола 3 л. ед. ч. суб. спр.; *kotu-baɖi-t* 'убил я, оказывается', где *kotu* — основа глагола, *baɖi* — суффикс инференциала, *t* — личное окончание глагола 1 л. ед. ч. суб. спр.; *tɪni-tɪnɛ-ø* 'говорит, слышать', где *tɪni* — основа глагола, *tɪnɛ* — формант акцептива, *ø* — личное окончание глагола 3 л. ед. ч. суб. спр. (Хелимский 1994 : 218—221).

1. Ренарратив

Парадигматическим значением ренарратива является вторичная констатация действия и значение неэвидентности. Сферой реализации ренарратива выступают повествовательные предложения, в которых констатация, существующая в одном из своих вариантов — как

утвердительность (аффирмативность) или как отрицательность (негация), формирует нарративные речевые формы: описание, суждение, умозаключение, представляющие действие при отсутствии волевого момента (Шенцова 1998 : 34). Ренарратив служит своего рода речью в речи, сообщением в сообщении, поскольку обозначает первоначальную принадлежность сообщаемого не субъекту говорения, а какому-то третьему лицу. Сообщение наряду с вопросом и побуждением представляет сферу коммуникативной модальности, которая понимается как целеустановка говорящего. В настоящее время указанные значения коммуникативной модальности выражаются в нганасанском языке морфологически, с помощью специальных наклонений: побуждение — императивом, вопрос — интеррогативом, сообщение — индикативом и ренарративом. Подобная закреплённость наклонений за определённым коммуникативным типом предложения может свидетельствовать о неразграничении модальности и целеустановки в языке. Размежевание данных категорий исторически связано с развитием системы наклонений (Ермолаева 1987 : 73).

Выступая представителем грамматической субкатегории неэвидентности, нганасанский ренарратив несёт сообщение о том, что говорящий не был очевидцем события и узнал о нём опосредованно, с чужих слов. Таким образом, при описании семантики ренарратива существенны следующие моменты: 1) источник информации и 2) отношение говорящего к содержанию чужого высказывания.

Указание на источник знания входит в конкретное задание говорящего. Источник информации может быть имплицированным или эксплицированным. В первом случае говорящий передаёт чужие слова без специальной ссылки на источник. Выбор форм ренарратива сам по себе уже указывает на то, что говорящий передаёт сведения, полученные из других рук. Эта информация входит в модальную рамку высказывания. Факт сообщения (промежуточная коммуникация — чужая речь, на которую ссылается говорящий, информирующий о сообщаемом факте) вместе с сообщаемым фактом (явлением объективной действительности) выражается одной глагольной формой. Здесь источник знания рассматривается как неопределённый (т.е. гарант информации не назван прямо) и представляет собой слух, молву, общепринятое мнение: *süäbtiai? tərädi ɲəmsu sirkə?sitə ihüüüntə, əmədäli sinerirsi, nakürə məi čenibiambiŋ** ('знать' — Renarr — 2/Sg/s) 'если ты вправду тот, кто выкопает (= достанет) такую еду, (то вот что:) сегодня подумав, три земли ты знаешь, говорят'. Эксплицированный с помощью лексических, изредка синтаксических (сложносочинённое бессоюзное предложение) средств источник знания является, как правило, конкретным (единичным или множественным) и может быть определённым и неопределённым: *idä?atu munu?muə: säjbə čerəgətə Biantimia?ku hirə nilitiə koj-kümle sərsajčübü?, Biantimia?ku sejmi sejmi?təbiaŋhiri* ('увидеть'-Np — Renarr — 2/Pl/o)» 'его отцом сказано: среди жителей семи, среди жи-

* Нганасанские примеры извлечены из следующих источников: Сказки народов Сибирского Севера, вып. 3, Томск 1980; Сказки народов Сибирского Севера, вып. 4, Томск 1981; Таймырский этнолингвистический сборник. Материалы по нганасанскому шаманству и языку, вып. 1, Москва 1994; Н. М. Терещенко, Нганасанский язык, Ленинград 1979.

телей земель до Биантимяку живое (= активно практикуемое) обращение к идолам если будет стоять на карауле, то глаза Биантимяку вы, мол, будете видеть'; *ʋäjbi kopta bettimkümi bettäð'anguŋ ikabambuŋ* ('быть' — Renarr — 2/Sg/s) *ʋäjbi mou bontimənu dindila ʋojbukatu* 'сестра семи братьев, потанцует вдвоем, ты танцовщица бываешь, говорят, на семи землях слух слышится'; *munuŋkənduʔ, siti čenibəŋhi* ('знать' — Renarr — 3/Sg/s) 'говорят, он, мол, знает'.

Передача высказывания другого лица может быть нейтральной, но может быть и сопряжена с выражением собственного эмоционально-оценочного отношения к передаваемой информации. Реализуя значение «нейтрального» пересказа, ренарратив употребляется в контекстах, представляющих собой по содержанию сообщение о факте, который, по мнению говорящего, неизвестен собеседнику. Цель говорящего — лишь ознакомление собеседника с данным фактом: *neniza kaŋkə basubaŋhu* ('охотиться' — Renarr — 3/Sg/s) 'его старший брат уже охотится, говорят'; *nenizi mazajhuaŋhu* ('гостить' — Renarr — 3/Sg/s) 'его брат гостит, говорят, в чумах своей родни'. В подобных случаях ренарратив выражает внешнюю объективную модальность.

Ренарратив способен выражать и внешнюю субъективную модальность. Указание на то, что говорящий не был очевидцем какого-то события и узнал о нем с чужих слов, может служить косвенным свидетельством того, что у говорящего нет полной уверенности в достоверности сообщаемого. Поэтому формы ренарратива часто встречаются с глаголами речи, восприятия, мышления, а также с модальными глаголами: *babi tətudä munubaŋhu* ('сказать' — Renarr — 3/Sg/s): *sübtiai təndə däli kojkümtarulətəbünüʔ, Biantimiaʔku baarbəmə, əmədäli čenibambiŋ* ('знать' — Renarr — 2/Sg/s), *tarməə buədu čenibambiŋ* ('знать' — Renarr — 2/Sg/s) 'если мы вправду этот день используем для обращения к идолам, (то вот что:) Биантимяку, мой хозяин, сегодня ты знаешь, говорят, разделенное (= спорное) слово знаешь, говорят'; *ŋamij nii maðajčümə, ŋuəðə buədu sidi däliməni ləðiʔhiambiŋ* ('не мочь' — Renarr — 2/Sg/s) *takakuʔ* 'вторая моя гостья, одно слово в течение двух дней ты не можешь, говорят, составить'.

Ренарратив также участвует и в передаче эмотивной модальности, способствуя выражению отрицательного отношения говорящего к содержанию чужого утверждения. Сомнение в достоверности возникает в случае заведомого несогласия говорящего с чужими словами, поэтому он оценивает пересказываемое сообщение отрицательно. Это сообщение могут сопровождать такие отрицательные эмоции, как возмущение, негодование, недоумение, упрек, насмешка и др.: *hiʔ, däliʔ sitəbirsi četuami dəjsühuaŋhumuʔ* ('шуметь' — Renarr — 2/Pl/s) 'ночью и днем, рассказывая сказки, сильно мы шумим, говорят' (возмущение); *Tolä nüə baarbəmə, nagür ŋusirə tənijhuaŋhu* ('иметься' — Renarr — 3/Sg/s) *seniribtitiərə* 'Толя, (мой) сын, мой хозяин, три работы у тебя есть, говорят, заботящие тебя' (недоумение).

Исходным моментом в развитии дополнительных смысловых оттенков, выражающих ту или иную оценку высказывания говорящим, является целевая установка высказывания, которая относится к категориям субъективного характера (Ермолаева 1987 : 73). Благодаря сближению целеустановки с внешней субъективной модальностью

ренарратив представляет собой не только сообщение в сообщении, но и сообщение о сообщении (Якобсон 1972 : 95).

В отношении категории лица ренарратива никаких ограничений не наблюдается. Наиболее употребительны формы второго и третьего лица, первое лицо также встречается, поскольку передаваемое чужое утверждение может касаться каких-то действий пересказывающего лица. Однако неэвидентность действия, субъектом которого оказывается сам говорящий (1 л.), может быть выражена лишь в случае, когда говорящий был без сознания, во сне или с ним произошло некоторое событие независимо от его сознания (т.е. говорящий не имел контроля над ситуацией), когда говорящий просто не помнит о себе каких-то фактов и узнает их от других лиц (по Н. А. Козинцевой, см. Бондарко 2000): *nənə səə təu?miə nəagəi? deridibinina, nüəntə idä, Tolä nüə nintəbiambi* ('не' — Renarr — 1/Sg/s) *nendirməbtu?* 'отлет сердца моей дочери, если я хорошо угадаю, отцу твоего ребенка, (моему) сыну Толе я не позволю, говорят, соскользнуть'. Формы второго лица употребляются при передаче чужих слов о действии, субъектом которого является собеседник: *tiŋ bəsəru? ŋünü?tatəbaŋhuru?* ('собираться'-Np — Renarr — 2/Pl/s) 'вы все собираетесь на собрании, говорят'. Формы третьего лица употребляются при передаче высказывания о лице, к которому не обращаются: *ətə koptua nəgəj kəŋŋi?huanhu* ('петь' — Renarr — 3/Sg/s) 'эта девушка хорошо поет, говорят'; *timinia sədəərə nubujdea sədəm nimi?hianhi* ('называться' — Renarr — 3/Sg/s) *sədəərə ibahu* ('быть' — Renarr — 3/Sg/s) 'твоя дорога замененной дорогой называется, говорят, твоя дорога есть, говорят'.

Нганасанский ренарратив, функционируя в сфере внутренней модальности, способен передавать потенциальное действие, нейтральное в плане реальности/ирреальности (= модальный футурум). В данном случае ренарратив выступает функциональным эквивалентом императива, выражая волеизъявление, совмещенное со значением долженствования. Действие, им обозначенное, реализуется в предложении как необходимое: *tətiliai?, nüə?kümə, əmiče tələtəbahuače* ('закрыть'-Np — Renarr — 2/Sg/o) *təə hirə mənəŋune südə?müə čibə nintəbiambi?* ('не'-Np — Renarr — 3/Pl/s) *biari?* 'не только, мой сынок, эти (шайтаны) ты будешь закрывать (= должен закрывать), говорят, с тем, чтобы до завершения моего камлания они не оставались (= должны не оставаться) открытыми'. В контекстах предсказания каких-то событий ренарратив имеет значение предназначения: *dükəruməə ŋusi deridibinina, čenintiamtə ŋusi tande südəminde kəmiatəbahurə* ('держат'-Np — Renarr — 2/Sg/s); *süəbtiai? ŋəditəsi, kou diltədəmigətə ŋanuda?ə ŋəduhianhi* ('быть видным' — Renarr — 3/Sg/s), *ŋu hodür ŋəduhianhi* ('быть видным' — Renarr — 3/Sg/s) 'если запутанную работу я угадаю, то известную тебе работу до окончания рода (человеческого) ты будешь, говорят, держать (= выполнять); будучи (= если я) действительно прав, (то) со стороны восхода заметный будет виден, говорят, небесный знак, будет виден, говорят'.

Транспонированное употребление ренарратива в сфере императива сопряжено с выражением значения неэвидентности, что позволяет подчеркнуть непричастность говорящего к сообщаемому; первичное побуждение к действию и/или его необходимость предписывается говорящим другому лицу: *ni?* ('не' — Renarr — 2/Sg/s) *koni?* 'не ходи

(= не должен ходить) туда' (непосредственное побуждение к действию); *desigətə, nemigətə səətə təuʔmiə nəagəʔ deridibininə, Hotariə biðə kuru hiŋgaʔiletəbahurə* ('использовать-как-подушку'-Inch-Np — Renarr — 2/Sg/o) *labsəkəə kataraʔku birəmti ɲəlilebiʔə čibədäa* 'отлет (= испуг) твоего сердца, полученного от отца и от матери, если я хорошо угадаю, то водного быка Хотарыэ ты, говорят, будешь использовать как подушку до обретения полной силы' (опосредованное побуждение к действию). Потенциальность предполагает отсутствие у говорящего полной уверенности в осуществлении действий, поэтому говорящий ставит своей целью сообщение не о самом факте, а о том, как оценивается данный факт другим лицом. Так, в зависимости от общего задания высказывания, использование ренарративных форм показывает, что лицо, с утверждением которого знакомит говорящий, оценивало данный факт, событие или явление как 1) необходимое, должное иметь место в определенной ситуации, и/или как 2) предназначенное, которое должно произойти по воле каких-то сверхъестественных сил. Следовательно, при транспозиции ренарратива в сферу употребления императива, в семантике ренарратива наблюдается переплетение коммуникативной, внутренней и внешней субъективной модальностей.

В нганасанском языке наблюдается транспозиция ренарратива в сферу употребления интеррогатива. Благодаря общему семантическому компоненту предположительности оба данных наклонения способны выражать внешнюю субъективную модальность. Однако, если формы интеррогатива нейтральны в отношении источника информации, то формы ренарратива в вопросительных предложениях акцентируют, что основанием вопроса послужил факт, о котором говорящий узнал с чужих слов. В последнем случае непосредственной целью сообщения является выяснение тех или иных обстоятельств относительно этого факта. Поэтому адресатом, к которому обращается говорящий, становится или лицо, от которого получены сведения о факте, или лицо, которое, по мнению говорящего, с данным фактом знакомо. При этом вопросительное предложение с глаголом в форме ренарратива приобретает особый характер: говорящий относится к достоверности факта с определенной осторожностью (Демина 1959 : 339): *ləraŋku nüəʔkümə, na-gür maðajčümə! kuniaruʔ əmədäli mindiʔhiaŋhi* ('носить' — Renarr — 3/Sg/s), *hünserədeə hotürə mindiʔhiaŋhi* ('носить' — Renarr — 3/Sg/s) 'несмысленное мое дитя, три моих гостя! кто из вас сегодня носит, говорят, старую бумагу носит, говорят?'

В контекстах «нейтрального» пересказа ренарратив часто замещается индикативом, нейтральным в плане эвидентности/неэвидентности и реализующимся во всех коммуникативных типах предложений. В отличие от ренарратива, указывающего на повторный характер констатации действия, индикатив или вообще не несет указания на принадлежность к первичной констатации действия, или же выражает такое действие, первичная констатация которого принадлежит самому говорящему. Употребление индикатива никоим образом не зависит от наличия или отсутствия в предложении источника информации, так как индикатив выражает действие, воспринятое говорящим непосредственно. В случае, если ссылка на источник знания все же имеется, чу-

жое утверждение может быть передано как ренарративом, так и индикативом. Однако если ренарратив передает сомнение говорящего относительно передаваемых слов, то индикатив предполагает либо невыраженное, либо, напротив, подчеркнуто доверчивое отношение (истинность высказывания сомнения не вызывает) говорящего к содержанию чужой речи: *mununtugej — nemimi munuykatu* ('говорить' — Iter — IndPraes — 3/Sg/s); *dämu? tanini iviri tejü* ('иметься' — IndPraes — 3/Sg/s), *horagalučätu hurba hitiriki makugalučätu turku hondudä lip vatakuraku* 'они говорят: наша мать говорила: далеко за горами дедушка есть, лицо у него круглое, как гнездышко, спинка, как озеро, прямая, ровная как лед'; *Däjkü tondäjmoptädi hüogamtu marbadəva yanuruva dürumiti bondikā korvodemtu: neraptükü ŋotodöm* ('находить' — IndPast — 1/Sg/s) *dädürü tändamta moli hurki?ema* ('окрутить' — IndPraes — 1/Sg/o) *kuni?i äräj; tagata budä ŋatod'öm* ('находить' — IndPast — 1/Sg/s) *nä madaj; düdupä matənu isüo nä bajka?a tända bajka?a isüo nödi nägürŋumajka; māna munudöm* ('говорить' — IndPast — 1/Sg/s) — *idi küdahü? kačärkömu?* ('соревноваться' — ImpFut — 1/Pl/s) *ŋantodä* 'Дяйку положил свою ногу на колено, гордится, рассказывает все свои приключения: сначала я нашел старика, я его совсем окрутил вокруг пальца; дальше оттуда я нашел нганасанские чумы; в среднем чуме был нганасанский старейшина, у этого старейшины три сына было; я сказал: дядя, завтра посоревнуемся на лодках!'; *tagata māna biäjna* ('уйти' — IndPraes — 1/Sg/r) *ŋadad'a; tagata ŋama ŋomtad'a mununtu* ('говорить' — IndPraes — 3/Sg/s), *nakürä däli bouhü? nōra niägimsida* ('быть хорошим' — IndFut — 3/Sg/s) 'потом я ушел за шаманом; потом шаман севший говорит: через три дня твой ребенок совсем поправится'. Таким образом, благодаря своей широкой и емкой семантике индикатив почти во всех случаях обнаруживает способность к транспозиции в сферу употребления ренарратива, но не наоборот. Формы индикатива и ренарратива не являются полностью синонимичными, поскольку ренарратив применяется только для выражения определенных модальных значений неэвидентности.

Значение пересказывания нганасанского ренарратива передается на русский язык описательно, главным образом, при помощи слова *говорят*, а также различных частиц — разговорной *мол*, устарелой *де*, просторечной *дескать* и союзов — *будто*, *словно*, *якобы*. Для большей выразительности некоторые из указанных средств могут употребляться совместно: *madajčumä nii, näagəi? buəgumi! sitirəgi ŋusi mindi?hiambij* ('носить' — Renarr — 2/Sg/s) *əmədälitəni* 'моя гостыя, давай хорошо поговорим! вроде два вида работы ты носишь (= выполняешь) сегодня'; *nenizi kaŋkə basubəŋhu* ('охотиться' — Renarr — 3/Sg/s) 'его брат уже охотится, говорят'; *sitirəgi sunə əmlədi ŋəjbəudə ŋutabambuy* ('владеть' — Renarr — 2/Sg/s) 'моя дочь права, как будто такую работу двух видов ты, говорят, имеешь'.

2. Инференциал

Парадигматическим значением инференциала выступает значение умозаключения, основанное на результате действия и осложненное значением адмиративности. Коммуникативной сферой реализации инференциала являются повествовательные предложения. Специфика

семантики инференциальности состоит в том, что говорящий наблюдает определенное явление в конкретной предметной ситуации, которое он, исходя из общих соображений, возводит к причине. Данная причина и оказывается сообщаемым фактом (по Н. А. Козинцевой, см. Бондарко 2000 : 228). Это наблюдение результата делает говорящего скорее активным, чем пассивным участником в получении информации. Но на том основании, что говорящий не являлся непосредственным очевидцем самого действия/события, а наблюдает лишь его результат (и на его базе делает логический вывод), инференциал в нганасанском языке входит в сферу неэвидентности.

Восстановление ситуации может осуществляться как в результате собственного умозаключения, так и с чужих слов (Naan 1998). Собственное умозаключение, т.е. логический вывод, базируется главным образом на непосредственном восприятии говорящим данной ситуации: *Dīria, nūāmā, əmā mǎuntə sejmīčə tətubaduŋ* ('принести' — Infer — 2/Sg/s)! 'Юра, мой сын, в эту мою землю свои глаза ты, оказывается, принес (= ты пришел)!' В случае, когда логический вывод основывается на информации, почерпнутой из сообщения другого лица, эта информация оказывается заведомо неполной, поскольку «хозяином» ее говорящий является лишь частично. В отличие от явления пересказывательности, которое состоит в передаче говорящим информации, полученной в готовом виде, инференциальность предполагает мыслительное усилие, устанавливающее причинно-следственные связи. При этом подчеркивается предположительный характер факта (причины): *ŋomtū neʔə, baarbəmā, ŋudibsātə mǎugətə silinia dōmtūrūŋhiaduŋ* ('поругаться' — Infer — 2/Sg/s) 'моя хозяйка, мать Нгомту, по месту твоей работы с кем-то ты, оказывается, поругалась'.

Как было отмечено выше, в формах инференциала вместе со значениями умозаключения и результативности находит свое выражение значение адмиративности: для говорящего может оказаться неожиданным, что ситуация имеет место (оказывается). Совмещение адмиратива с неочевидностью действия является довольно типичным феноменом, так как соответствующий семантический эффект наиболее естественен, если говорящий не был свидетелем ситуации (Плунгян 2001). Передаваемая говорящим ситуация представляется ему неожиданной и в силу этого воспринимается как необычная, странная и удивительная. Перечисленные модусные значения составляют особый эмотивный тип модальности, сопровождающий результативность и неожиданность: *tuditü ŋiml'aykə hütə təmiməni horbu kud'ūbadaʔ* ('плыть' — Infer — 3/Sg/s) '(y) знаменитой лыжи вдоль сердцевины пена, оказывается, поплыла'; *Senä, nūāmā, əmā mǎuntə horəmtə tətubaduŋ!* ('принести' — Infer — 2/Sg/s) 'Женя, мой сын, в эту мою землю свое лицо ты, оказывается, принес (= ты пришел)!'

Инференциал довольно часто встречается в вопросительных предложениях. Подобное транспонированное употребление инференциала в сфере интеррогатива имеет место благодаря тому, что в семантике данных наклонений заложен компонент предположения. В интеррогативе он связан со значением неизвестного, а в инференциале — со значением неочевидности (говорящий не является очевидцем действия, события, ситуации): *Dīria, nūā, baarbəmā, Nəvəsibirskagətə sidiʔ*

mādäa məlibidiy? ('застрять' — Infer — 2/Sg/s) 'Юра, мой сын, мой хозяин, (по пути) из Новосибирска дважды почему ты застрял?'

В нганасанском языке возможно замещение инференциала формами индикатива. Действительность/реальность выступает общей семантической зоной, содержащей указание на совершившееся действие. Однако если инференциал соотносится с неочевидностью, осложненной собственно адмиративным значением неожиданности, то индикатив нейтрален в плане очевидности/неочевидности. Сходясь с инференциалом на значении результативности, формы индикатива, представленные в данном случае перфектом, внутренне динамичны и предполагают связь результата в прошлом и состояния в настоящем: *siti huan'dehunda barusi ɲavi?e* ('найти' — IndPraes — 3/Sg/s) 'он в лесу черта нашел'; *təmunku nõdä čenduki?e* ('прыгнуть' — IndPraes — 3/Sg/s) 'мышка к ребенку прыгнула'.

3. Акцептив

Парадигматическим значением акцептива выступает действительность или реальность, осложненная значением не-визуального восприятия. Для акцептива свойственна передача реальности в узком смысле, т.е. актуальности (фактичности), которая отображает такое существование в действительности, в котором нет элементов, каким-либо образом связанных с ирреальностью — потенциальности, а также недостоверности, «чужого опыта» и т.п. Нганасанский акцептив выражает внешнюю объективную модальность. Значение актуальности находит свое непосредственное выражение в ситуации настоящего актуального, т.е. ситуации «я-теперь-здесь-это». Настоящее, актуальное в данной ситуации, представляет собой «высшую степень реальности» — действительность переживаемую, воспринимаемую, конкретную и очевидную (Бондарко 1990 : 72).

Акцептив реализуется исключительно в повествовательных предложениях. Ограниченность акцептива в сфере целеустановки имеет место вследствие индифферентности говорящего в отношении какого-то действия или события. Говорящий не выражает ни побуждения, ни вопроса, так как ситуация ему известна, все происходящее он воспринимает лично. Констатация (сообщение) фактов предстает основной коммуникативной функцией акцептива: *bika takənu baɲ logä?miniči* ('лаять' — Ассер — 3/Sg/r) 'за рекой лает, слышать, собака'.

В нганасанском языке не-визуальность включает различные способы непосредственного восприятия действия или события. Прежде всего, это — восприятие на слух. Акцептив в данном значении часто используется со следующими семантическими группами глаголов:

- 1) говорения: *bəntini baɲ logäminiči* ('лаять' — Ассер — 3/Sg/r) 'на улице лает, слышать, собака'; *Hotariə munumunə* ('говорить' — Ассер — 1/Sg/r) 'Хотарыэ, слышно, говорит';
- 2) движения: *sajkutuoməni hezitiminičə* ('идти' — Ассер — 3/Sg/r) *ɲuarata* 'тяжело ходит (людоед), слышать, около двери'; *mazajčümü? bü?munučg* ('уезжать' — Ассер — 3/Sg/r). 'наш гость уезжает, слышать'; *siličəküö tujmunuči* ('приезжать' — Ассер — 3/Sg/r) 'кто-то приехал, слышать';

3) начала стативности: *kantə mazə kadä nənsuminiči* ('остановиться' — Ассер — 3/Sg/r) 'нарта около чума остановилась, слышать'.

Акцептив может употребляться с глаголами, обозначающими любое действие, сопровождаемое соответствующими звуками: *bəntiəzu sorutuniči* ('дождить' — Ассер — 3/Sg/r) 'снаружи дождит, слышать'; *mazə kadä māčəküö dübəriničij* ('бросать' — Ассер — 3/Sg/r) 'около чума что-то они бросили, слышать'.

В сферу функционирования нганасанского акцептива включены также сенсорные восприятия при помощи

1) обоняния: *matənu hihizə koli neliajmunüčü* ('пахнуть' — Ассер — 3/Sg/r) 'в чуме вареная рыба вкусно пахнет, чувствуется';

2) чувств и состояний, связанных с различными физическими проявлениями: *dütümə dəriniči* ('болеть' — Ассер — 3/Sg/r) 'рука у меня болит, чувствуется';

3) осязания: *tagata kanagö bua melidəvi koptua ŋatamuničü* ('нащупать' — Ассер — 3/Sg/r) *nonditā mā?* 'затем, сколько-то шагов пройдя, девушка нащупала, чувствуется, стоящий чум'.

В случае, когда объект или действие воспринимается осязанием, говорящий может являться как субъектом, так и объектом каких-то действий, совершенных по отношению к нему, чувствовать, а именно, осязать результат этих действий: *makizənə māgüötənu huarəderumunū* ('стукнуть'-Pass — Ассер — 1/Sg/r) 'сзади чем-то меня стукнули, чувствуется'.

Поскольку временная дифференциация не получила материального выражения в глаголе, имеющем акцептивную форму, в определении временного плана существенная роль отводится контексту. Попутно отметим тот факт, что в имеющихся в нашем распоряжении примерах значение актуальности, заложенное в формах акцептива, не включает в себя ситуации, отнесенные к прошлому: *Bondi ŋonvidi nādiŋaŋku ninö vigi?iniämti madakadä ŋonvu?ida* ('остановиться' — IndPraes — 3/Sg/r) *dilviti?i* ('слушать' — IndPraes — 3/Sg/r). *Madakunvini vigi?iniä nōtinanu hiditi?* ('смеяться' — IndPraes — 3/Pl/s). *N'ögəjči nemintadä hujčigəj* ('просить' — IndPraes — 3/Du/s) *diädiči — abou, däda matabu* ('резать' — Imp — 2/Sg/o). *Nemidiŋ munumuničij* ('говорить' — Acc — 3/Sg/r) — *mona nimbidi ŋətvakudam* ('кушать' — Imp — 1/Sg/s) *ti ŋöivä ŋö ŋətvakori* ('кушать' — ImpFut — 2/Du/s) 'На улицу выйдя, дочь нганасанки у чума людоедки остановилась, слушает. Внутри дома людоедка со своими дочками смеются. Ее две дочки у своей матери просят мозг: «Мать, мозг отрежь!» Их мать говорит, слышать: «Я съем взрослый мозг, а вы, две дочки, детский мозг есть будете»'.

В нганасанском языке значение действительности или реальности также выступает парадигматическим значением индикатива. Однако в отличие от акцептива, специфику значения которого составляет семантическая отмеченность в плане эвидентности, индикатив в плане эвидентности/неэвидентности остается нейтральным, т.е. предстает семантически неотмеченным членом в оппозиции акцептив/индикатив. Благодаря своей нейтральности индикатив выражает реальность в широком смысле, который складывается из центра (актуальности) и периферии, включающей потенциальные значения будущего времени, возможности, необходимости, желанья, а также реальности, ослож-

ненной оценкой достоверности (Бондарко 1990 : 73). Наличие общей семантической области — актуальности — является основой транспозиции индикатива в сферу употребления акцептива. Поскольку функциональная сфера акцептива значительно уже соответствующей сферы индикатива, транспозиция в обратном направлении, т.е. акцептива в сферу индикатива, невозможна: *ɣənəʔsanə dəmo sojbutu* ('слышаться' — IndPraes — 3/Sg/s). 'голос человека слышится'; *ɣona dälitani vigiʔä ɣonaj tuʔo* ('прийти' — IndPraes — 3/Sg/s) *ɣonaj mununtu* ('говорить' — IndPraes — 3/Sg/s) — *bettikakümi bondi* 'на следующий день людоед опять пришел, опять говорит: потанцуем вдвоем снаружи'; *neraditi tächü nokoriʔe* ('встать'-Inch — IndPraes — 3/Sg/s) 'передовой олень встал'.

Широкое употребление в нганасанском языке индикатива — исторической основы всех прочих наклонений — при передаче определенных смыслов параллельно с акцептивом может подтверждать довольно позднее образование последнего как специфического средства маркирования ядра реальности, т.е. актуальности.

Сокращения

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; **Асцеп** — акцептив (наклонение восприятия); **Fut** — будущее время; **Imp** — императив; **Inch** — инхотив (производный глагол начала действия); **Infer** — инференциал (наклонение неочевидного действия); **Interr** — интеррогатив (вопросительное наклонение); **o** — объектный тип спряжения (в составе личных показателей); **Past** — прошедшее время; **Pl** — множественное число; **Praes** — настоящее время; **r** — рефлексивный (безобъектный) тип спряжения (в составе личных показателей); **Renarr** — ренарратив (пересказательное наклонение); **s** — субъектный тип спряжения (в составе личных показателей); **Sg** — единственное число.

ЛИТЕРАТУРА

- Бондарко А. В. 1990, Реальность/ирреальность и потенциальность. — Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность, Ленинград, 72—79.
- 2000, Проблемы функциональной грамматики. Категории морфологии и синтаксиса в высказывании, Санкт-Петербург.
- Демина Е. И. 1959, Пересказывательные формы в современном болгарском литературном языке. — Вопросы грамматики болгарского литературного языка, Москва, 313—378.
- Ермолаева Л. С. 1987, Очерки по сопоставительной грамматике германских языков, Москва.
- Мельчук И. А. 1998, Курс общей морфологии. т. II, ч. II, Москва—Вена (Языки русской культуры).
- Плунгян В. А. 2001, Классификация элементарных глагольных значений, используемых в БД «Verbum». — <http://www.mccme.ru/ling/verbum.html>.
- Хелимский Е. А. 1994, Очерк морфонологии и словоизменительной морфологии нганасанского языка. — Таймырский этнолингвистический сборник: Материалы по нганасанскому шаманству и языку, вып. 1, Москва, 190—221.
- Шенцова И. В. 1998, Шорский глагол. Функционально-семантическое исследование. Автореферат докт. дисс., Москва.
- Якобсон Р. О. 1972, Шифтеры, глагольные категории и русский глагол. — Принципы типологического анализа языков различного строя, Москва 1972, 95—113.

H a a n, F. 1998, The Category of Evidentiality. — <http://www.unm.edu/~fdehaan/catevid.txt>.

N. G. KUZNECOVA (Tomsk), *E. V. USENKOVA* (Novosibirsk)

THE CATEGORY OF EVIDENTIALITY IN NGANASAN

The article concentrates on the analysis of the category of evidentiality expressed in the Ngasan language in verbal morphology. Three moods — renarrative, inferential, acceptive — form the Ngasan evidential system which is heterogeneous in its semantics. Within the framework of these moods the evidential meanings are interwoven with different modal meanings.